

**ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:**

Въ конторѣ редакціи, на Эриванской  
площ. въ д. Харазова № 3 въ Тифлисъ.

Контора открыта ежедневно отъ 9 до  
2 и отъ 5 до 7 часовъ вечера.

**УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:**

Съ доставкою на домъ:

На 1 годъ . . . . . 8 руб. — к.  
" 6 мѣсяцевъ . . . . . 4 " 50 "  
" 3 мѣсяца . . . . . 2 " 50 "

Съ разсылкою по Имперіи:

На 1 годъ . . . . . 8 руб. 50 в.  
" 6 мѣсяцевъ . . . . . 5 " — "  
" 3 мѣсяца . . . . . 2 " 75 "

# ФАДАНГА

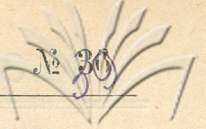
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Отдѣльные номера „Фаданги“ — по  
20 к. за экземпляръ — продаются въ  
Петербургѣ — въ книжномъ магазинѣ  
газеты „Новости“, у Эмиля Парте, у  
С. Хлѣбникова, Н. Мамонтова; въ  
Москвѣ: въ книжн. магазинѣ Н. И.  
Мамонтова, Ф. Д. Жакѣ, въ централь-  
ной конторѣ объявленій и у Пенчков-  
ской; въ Саратовѣ — въ магазинѣ При-  
волжской книжной торговли, въ Рос-  
товѣ-на-Дону — у Прѣнова, въ Ка-  
зани — въ книжномъ магазинѣ Дубро-  
вина, въ Харьковѣ — у Куколевскаго,  
въ Кіевѣ — у Югансона, въ Одессѣ —  
у Бѣлаго и у Плотровскаго; въ Кута-  
исѣ — у Николадзе и въ Тифлисѣ въ  
газетномъ агентствѣ В. Шавердова.



- Все-ли вы плучаете, что вамъ назначается?  
— Все, ваше—ство.  
— А, можетъ быть не все?  
— Такъ точно ваше—ство.  
— Сколько вамъ отпускается говядины? по полфунту что-ли?  
— Точно такъ ваше—ство, по полфунту!  
— А, можетъ быть, менѣе?  
— Не можемъ знать, ваше—ство.



Обращаемъ вниманіе тифлисской публики на замѣчательную по широтѣ взгляда и ясности изложенія статью *Я. И. Рашета*, помѣщенную въ № 26 „Юридическаго Обзорѣнія“.

По словамъ „Южнаго Края“, совѣтъ Харьковскаго Университета, закрытою подачею голосовъ, выбралъ Михаила Евграфовича Салтыкова (Щедрина) въ почетные члены Университета.

13 Сентября въ Петербургѣ произошло торжественное открытіе памятника Некрасову, воздвигнутаго на его могилѣ.

Памятникъ состоитъ изъ пирамидальной, съ уступами, мраморной колонны, на которой установленъ бронзовый бюстъ поэта, работы Чиждова. На лицевой сторонѣ постамента высѣчена на мраморѣ надпись: „Некрасовъ“, а пониже — „1821—1877“—годы рожденія и смерти поэта. Еще ниже—надпись:

*Сѣйте разумное, доброе, вечное...*

*Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное*

*Русскій народъ...*

Столичные газеты передаютъ, что хотя масса публики, собравшейся въ этотъ день у могилы поэта, достигала до двухъ тысячъ, но полицейскихъ на кладбищѣ совсѣмъ не было видно: они были невидимы...

У памятника, подъ грустнымъ впечатлѣніемъ этого праздника печали, многое было сказано, а еще больше предумано и перечувствовано...

Слѣдующее стихотвореніе, присланное намъ однимъ изъ присутствовавшихъ при печальномъ торжествѣ, дастъ читателямъ нѣкоторое понятіе о скорбномъ настроеніи русскихъ людей, собравшихся почтить въ этотъ день память утраченнаго нами поэта.

НА МОГИЛѢ Н. А. НЕКРАСОВА

Ты смолѣть, пѣвецъ о страждущемъ народѣ,  
Своей душой скорбѣвший о невзгодѣ  
Отчизны дорогой!

Ты смолѣть—

А надъ твоей страной,  
Оплаканной не разъ одинъ тобою,  
Окутанной удушливою тьмою,

Пѣснь гнѣва не звучить...

И Муза мести, скорби и печали,  
Чьи пѣсни намъ забыться не давали,

Она теперь молчитъ.

О, родина! дождешься-ли ты скоро  
Себѣ пѣвца, твою печаль который

Пойметъ своей душой,

И пѣсней новой, звучной отзовется,

И по Руси та пѣсня пронесется

Живительной волной?!

А. Кругловъ.

## СЪ НАЛЕТА

Противно мнѣ ихъ жалкое молчанье!

Надѣвъ тѣрновые вѣнцы,  
Безропотно несутъ свои страданья  
Во всѣ вѣка, во всѣ концы!

Сложивъ свои изношенныя крылья,  
Зовутъ къ терпѣнью и любви,  
Когда кругомъ—безправье и безсилье,  
И тонетъ цѣлый міръ въ крови!

Вериги имъ, что латы для героя...  
Гордясь рубцами отъ бичей,  
Все отдадутъ врагу они безъ боя,  
Не обнаживъ своихъ мечей...

Нѣтъ! для меня сражонный и разбитый,  
Но несдающийся боецъ  
Понятнѣ породы знаменитой  
Благонамѣренныхъ овецъ...

В. Немировичъ-Данченко.

## НА ЗУБЪ

Между „Порядкомъ“ и „Новымъ Временемъ“ произошло столкновеніе, въ которомъ, по нашему мнѣнію, виноватою стороною, несомнѣнно, является г. Стасюлевичъ. Вина его заключается въ томъ, что онъ, защищая свое незапятнанное литературное имя, честно и прямо возсталъ противу инсинуацій, которыя позволило по отношенію къ нему „Новое Время“. Г. Стасюлевичъ совершенно забылъ, что съ издѣліями „порнографической фабрики пасквилей“ г. Суворина слѣдуетъ бороться не честнымъ словомъ, а... карболовою кислотой.

Дѣло въ томъ, что „откровенный“ органъ

г. Суворина, подхвативъ нелѣпую замѣтку „Кіевлянина“ о томъ, что г. Стасюлевичъ издаетъ „Порядокъ“ на получаемую имъ „отъ какихъ-то евреевъ субсидію, напечаталъ „фантастическій“ фельетонъ, въ которомъ въ лицахъ изобразилъ, какъ еврейская депутація подноситъ редактору „Порядка“ презенты. Г. Стасюлевичъ, вмѣсто того, чтобы бросить „откровенную“ газету въ помойную яму, гдѣ ей и быть надлежитъ, и имѣть дѣло съ однимъ только „Кіевляниномъ“, оказалъ героямъ хорошо всѣмъ извѣстныхъ судебныхъ процессовъ неподобающую честь, возмутившись популяризироваціею со стороны „Новаго Времени“ инсинуацій „Кіевлянина“. Возмутившись, г. Стасюлевичъ напечаталъ въ своей газетѣ, что онъ, въ интересахъ общественной правдивости, находитъ нужнымъ преслѣдовать литературныхъ клеветниковъ „Новаго Времени“ судебнымъ порядкомъ.

Обитатели „Нововременскаго Содома“, само собою разумѣется, всполошились; такъ какъ послѣ того, какъ они столь триумфально были опозорены на судѣ, весьма понятно, что эти нововременскіе рыцари къ судебному порядку относятся съ весьма естественною злобною боязливостью. Поэтому то эти неугомонные рецидивисты въ № 1993 „Новаго Времени“ и совершили весьма искусно замаскированную экскурсію въ область понятнаго двора. Въ статьѣ подъ заглавіемъ „Литературное сутяжничество“, испуганные „содомцы“ селятся доказать, что они ничего оскорбительнаго для чести г. Стасюлевича не печатали, такъ какъ фельетонъ ихъ былъ *фантастическій* фельетонъ, и глупо, что г. Стасюлевичъ обижается тѣмъ,

что они написали,—что къ нему явилась изъ-подъ пола еврейская депутація. О, милые содомцы! Да за кого-же вы, эдакъ отговариваясь, читающую-то публику считаете? Вѣдь всякій ребенокъ пойметъ, что оскорбительна для г. Стасюлевича не фантастическая форма вашего фельетона, а гнусное содержаніе его, заключающее въ себѣ указаніе на то, что редакторъ „Порядка“ пользуется еврейскою субсидіею. Или, можетъ быть, страха іудейскаго ради, вы будете доказывать, что фельетонъ вашъ совсѣмъ никакого смысла не имѣетъ?!...

Затѣмъ господа „содомцы“ порицаютъ г. Стасюлевича за „сутяжническій духъ“, находя, что литераторы и всякіе вообще публичные дѣятели не должны прибѣгать къ судебной защитѣ, охраняя свое доброе имя. Въ этомъ отношеніи „Новое Время“ ставитъ въ примѣръ г. Стасюлевичу—кого-бы, вы думали?... Никогда не догадаетесь... Каткова!.. да-съ... этого самаго... Михаила Никифоровича. Вотъ, что говоритъ „Новое Время“:

Онъ (т. е. г. Стасюлевичъ) можетъ найти для себя поучительный примѣръ и именно въ той части печати, которую недавно одинъ изъ мнимо-либеральныхъ проходивцевъ адвокатской профессіи назвалъ „неблагородной“ печатью, въ отличіе отъ высокоблагородной журналистики, *продающей* при первомъ случаѣ *жидамъ*. Г. Стасюлевичъ болѣе чѣмъ кто-либо иной знаетъ, какимъ рѣзкимъ нападкамъ и насмѣшкамъ въ продолженіи болѣе двадцати лѣтъ подвергался г. Катковъ. Если честь клеветы, изыскательные и пошлые намеки на г. Каткова, распущенные въ журналистикѣ однимъ г. Стасюлевичемъ, то вѣроятно ихъ наберется больше десятка. И однакоже г. Катковъ, правъ онъ или неправъ былъ въ своей журнальной дѣятельности и въ своемъ направленіи, ни разу не отозвался на всѣ печатныя нападки на него сутяжническими угрозами. Какъ думаетъ г.

Стасюлевичъ, почему г. Катковъ не сдѣлалъ этого и не сдѣлаетъ, вѣроятно, никогда? *Потому-что онъ настоящій, призванный журналистъ, который считаетъ свое журнальное дѣло не дѣломъ личнымъ, а общественнымъ служеніемъ, потому-что онъ настоящая, крупная литературная сила, а не мелкая умѣренность и аккуратность, не лживая, фарисейская мнимо-либеральная и мнимо-серьезная посредственность.*

Г. Суворинъ, преклоняющійся предъ г. Катковимъ! Какъ вамъ нравится эта картинка „Новаго Времени“, бросающая интересную тѣнь и на то старое время, когда г. Суворинъ подвизался еще на страницахъ русскихъ газетъ въ маскѣ незнакомца?!

Мы не знаемъ, что думаетъ г. Стасюлевичъ о томъ, почему г. Катковъ никогда не обращался и не будетъ обращаться къ защитѣ суда, но что касается до насъ, то мы отлично понимаемъ, почему этотъ новый кумиръ „Новаго Времени“ поступаетъ такъ. Наша судебная практика неоднократно доказывала, что нашъ гласный судъ умѣетъ безпристрастно возстановлять истину и проливать свѣтъ на темныя дѣла, въ интересахъ закона и общественного мнѣнія. Г. же Катковъ бесспорно принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, для которыхъ свѣтъ—дѣло неподходящее. Онъ естественно долженъ бояться того, что все о немъ написанное можетъ подтвердиться на судѣ. Въ знаменитой передовой статьѣ № 236 „Московскихъ Вѣдомостей“, эта „крупная литературная сила“ ищетъ для себя защиты; но не у суда... Нововременскіе содомцы, должно быть, плохо читали эту статью, осмѣянную органами всѣхъ отѣлковъ, и направленную, главнымъ образомъ, противу „Фаланги“. Въ статьѣ этой „настоящій, призванный журналистъ“ доказываетъ, что полиція и цензура обязаны предупреждать возможность появленія оскорбительныхъ насмѣшекъ и каррикатуръ на такого извѣстнаго дѣятеля, какъ онъ, г. Катковъ, такъ какъ, *веденіе дѣла судебнымъ порядкомъ влечетъ за собою лишь вящее опозореніе пожаловавшагося.* Еще бы! Для такихъ господъ, какъ дѣятели „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Новаго Времени“, судебный, гласный процессъ несомнѣнно долженъ вести къ „вящему опозоренію“. Г. Катковъ, стоящій на высотѣ положенія, благоразумно избѣгая вящаго опозоренія, никогда не обращался и никогда не обратится къ защитѣ суда...

Г. Стасюлевичъ, вызывая на равный бой оклеветавшихъ его противниковъ, обращается къ закону указанной защитѣ порядкомъ судебнымъ. И мы вполне одобрили бы его образъ дѣйствій, если-бы онъ имѣлъ дѣло не съ нововременскими содомцами, которыхъ не стоитъ уличать, такъ какъ они давнымъ давно уже по всемъ уличены.

И безъ судебной провѣрки фактовъ всякій отлично знаетъ, что „Порядокъ“, если иногда и ошибается, то все-таки въ общемъ

является газетой честной и правдивой, а „Новое Время“ если порою, по ошибкѣ, и говоритъ правду, то все-таки въ общемъ представляетъ изъ себя порнографическую фабрику пасквилей. По нашему мнѣнію, если г. Стасюлевичъ и получаетъ отъ кого-нибудь какую-нибудь субсидію, то честь и слава тѣмъ, кто даетъ деньги на изданіе такой честной газеты, какъ „Порядокъ“. И наоборотъ... если г. Суворинъ ни отъ кого, ничего не получаетъ то тѣмъ хуже для него: такъ какъ, по нашему мнѣнію, лучше ради денежныхъ видовъ, чѣмъ „изъ чести“, издавать такой органъ двоедушія, лжи и лицемерія, какимъ является „Новое Время“...

### ИЗРЪЧЕНІЯ НА ПАМЯТЬ ПОТОМСТВУ

**Н. Шавровъ, строитель потійскаго порта.** „Государь, сказалъ Вобанъ Людовику XIV, если вы хотите строить портъ—откройте шкатулку и закройте глаза“.

**В. Микеладзе, учитель исторіи.** „Обычай публично обсуждать общественныя дѣла свойственъ всѣмъ народамъ, стоящимъ на низкой степени развитія, какъ на примѣръ: абхазцамъ, сванетамъ и даже германцамъ“. *(Изъ ораторскихъ упражненій на V Археологическомъ съѣздѣ).*

**Наполеонъ Амагуни.** „Все для народа и посредствомъ народа: будь то кресло директора театра, или управляющаго городскимъ кредитнымъ обществомъ“.

**Кн. Илья Чавчавадзе, поэтъ и управляющій дворянскимъ банкомъ.** „Въ счетоводствѣ есть что-то такое, питающее поэзію національнаго одушевленія“.

**Абгаръ Іоаннисіани, журналистъ и банкиръ.** „Союзъ есть сила. Согласенъ съ мнѣніемъ кн. Чавчавадзе“.

**Князь Аваловъ и Челокаевъ, директоры тифлискаго дворянскаго банка.** „Наша смѣна была бы измѣной славнымъ традиціямъ древней Грузіи, въ которой всѣ должности были не только пожизненны, но и наследственны“.

**А. Иваненко, членъ совета тифлискаго общества взаимнаго кредита.** „Всякій фонтанъ оппозиціоннаго краснорѣчія можно заткнуть. Весь секретъ въ томъ, чтобы найти средство, надлежащей стоимости“.

**А. Эрицковъ, археологъ.** „Я пересталъ сожалѣть о томъ, что не имѣю диплома заграничнаго университета. Оказывается, что нашего брата онъ присуждаетъ къ пожизненному молчанію“.

**Изъ моего путеводителя по Тифлису.** „Изъ всѣхъ животныхъ земнаго шара всего упорнѣе сопротивляется вліянію времени тифлисскій домовладѣлецъ“.

### МОЛИТВА

Избави, Боже, насъ отъ вора,  
Отъ истерической жены,  
Отъ полицейскаго назора  
И наважденья сатаны.

Еще, спаси насъ отъ чахотки,  
Избавь насъ, грѣшныхъ, отъ чумы,  
Отъ легкомысленной красотки  
И посѣщенія Фомы...

А. Котловъ.

### СЛУХИ

Носить значекъ члена археологическаго съѣзда—вотъ послѣднее слово тифлисской моды. Чтобъ имѣть право слѣдовать этой модѣ, не только не надо быть настоящимъ археологомъ, или хоть любителемъ древностей, но можно и не интересоваться никакими научными вопросами... Стоить только заплатить 3 р. 60 к., и вы получаете несомнѣнное право являться всюду съ новымъ украшеніемъ въ петлицѣ! И тифлисскіе жители, особенно дамы, съ наслаженіемъ пользуются этимъ, такъ дешево купленнымъ, правомъ и щеголяютъ своимъ значкомъ не только на засѣданіяхъ съѣзда, но и въ театрѣ, въ клубахъ, на вечерахъ у знакомыхъ и даже у себя за домашнимъ обѣдомъ.

Мы и не упоминали бы объ этомъ, въ сущности невинномъ, пристрастїи тифлисцевъ къ знакамъ отличія и всякаго рода побрякушкамъ, еслибы оно не имѣло никакихъ особенныхъ послѣдствій; но до насъ дошли слухи, что при самомъ появленіи упомянутой моды, въ семействѣ Карапета Карапетовича произошло слѣдующее необыкновенное событіе.

Заплативъ 3 р. 60 к. и украсивъ свою грудь желаннымъ значкомъ, Карапетъ Карапетовичъ поспѣшилъ домой—показаться женѣ. При видѣ ордена въ петлицѣ мужа, ордена, которому Соломонида Соломоновна, по своему невѣдѣнію, придала ненадлежащее значеніе,—обрадованная супруга отъ восторга подпрыгнула и... разрѣшилась сыномъ, ровно двумя недѣлями ранѣе законнаго срока. По счастью, все обошлось благополучно. Но каково же было удивленіе родителей, когда, у новорожденнаго на лѣвой сторонѣ груди оказалось родимое пятно, какъ двѣ капли воды похожее на значекъ археологическаго съѣзда, такъ сильно поразившій Соломонову!

Карапетъ Карапетовичъ не безъ основанія полагаетъ, что этотъ природный знакъ даетъ его сыну право на званіе непремѣннаго члена всѣхъ будущихъ археологическихъ съѣздовъ. Счастливый отецъ уже вошелъ въ переговоры съ лучшими нашими портными относительно того, какъ шить впоследствии для сына фракъ, чтобы знакъ „природнаго археолога“, оставаясь на виду, избавлялъ его отъ необходимости платить каждый разъ по 3 р. 60 к.



## СТРАННЫЙ СОНЪ

Говорятъ, что никогда не можетъ намъ присниться то, чего мы не могли-бы представить себѣ въ дѣйствительности; а между тѣмъ, не далѣе какъ на-дняхъ, я видѣлъ сонъ, которому ничего подобнаго въ дѣйствительности нѣтъ, да и быть не можетъ...

Судите сами.

Снилось мнѣ, будто 5-го августа этого года я вздумалъ ѣхать изъ А—ска въ Петербургъ, поспѣвая туда къ сезону зимнихъ удовольствій. И вотъ, собралъ я свои немногія вещи въ убогой кожанный чемоданчикъ, захватилъ вмѣстѣ съ ними десятка два тощихъ книжечекъ мѣстнаго издѣлія (отчеты а—ской уѣздной земской управы), взялъ перваго встрѣчнаго извозчика и крикнулъ ему:

— На вокзалъ! — Къ поѣзду!...

— Не поспѣемъ, баринъ! Развѣ ежели па чаекъ...

— Хорошо, хорошо: будетъ! Поспѣй только, непременно поспѣй, братецъ!..

— Съ нашимъ то-есть удовольствіемъ! Отчего не поспѣть? Коли ежели на чаекъ, мы всегда поспѣемъ!

— Такъ трогай-же, трогай поскорѣе! Стремленіе возможно скорѣе насладиться всѣми петербургскими прелестями дѣлало меня нетерпѣливымъ до смѣшнаго.

Но вотъ, извозчикъ тронулъ, и ужасная песочная пылъ мигомъ охватила меня со всѣхъ сторонъ.

Пріѣхали. Расчитался я съ извозникомъ, вокзальный носильщикъ подхватилъ мой тощій чемоданчикъ, а я, взявъ книги, полетѣлъ, буквально полетѣлъ, забывъ о существованіи у себя головы, по убійственнѣйшей лѣстницѣ въ вокзалъ. Вхожу. На порогѣ вокзала 2-го кл. встрѣчаетъ меня жандармъ.

— Сюда нельзя-съ! отрѣзываетъ онъ, и разставивъ руки, заграждаетъ мнѣ дорогу.

Я изумленъ.

— Какъ-же это такъ, братецъ! Да мнѣ вѣдь ѣхать надо!

— Для насъ это все единственно-съ! А только намъ тапереча строго-на-строго приказано скубентовъ сюда ни подъ какимъ видомъ не пропускать!..

— Что за чортъ? думаю себѣ. Не рѣхнулся ли ужъ почтеннѣйшій?..

— Чѣмъ-же я-то на *скубента* похожъ? въ недоумѣніи вопрошаю строгаго охранителя вокзальныхъ дверей 2-го класса.

— Не можемъ знать-съ! А только таперича у васъ и блуза, и шляпа, и высокіе сапоги, и все, какъ слѣдуетъ...

— Ну, такъ что же изъ этого?

— Ничего-съ! А только лучше проходите вонъ въ ту половину-съ, коли ежели добромъ, значитъ...

Потъ крупными каплями сталъ выступать

у меня на лбу, терпѣніе мое невыносимо стало страдать, но... но что дѣлать? Направился я въ „другую половину“, въ вокзалъ 3-го кл. Смотрю, и тамъ „охранитель“...

— Нѣтъ, тутъ что-то не ладно, подумалъ я, и съ осторожностью, „достойною лучшей участи“, замедлилъ свой шагъ...

Вижу, первый охранитель со вторымъ перемигивается и дѣлаетъ ему какіе-то странные знаки. Морозъ пробѣжалъ у меня по кожѣ, и я почему-то почувствовалъ себя въ положеніи звѣря, на котораго сдѣлана облава. Капли крупнаго пота оросили мое лицо...

Вдругъ до моего напряженнаго слуха, сквозь гулъ и шумъ окружавшей меня толпы ясно долетѣла слѣдующая фраза:

— Скубентовъ, ваше б—іе, оченно-съ даже много! Вотъ я только-что одного чуть не заарестовалъ-съ, да смиренный, не куражится; иначе все-таки я его не пропустилъ-съ... Да вотъ и онъ!..

И я ясно почувствовалъ, хотя и смотрѣлъ въ противоположную сторону, какъ первый жандармъ, оставшійся сзади меня, указывалъ на меня какому-то длинному худому господину, съ красной фуражкой на коротко остриженной головѣ и такими усищами, какихъ мнѣ отъ роду еще никогда (не смотря на мои 24 года) не приходилось видѣть. Я невольно обернулся. Красная фуражка отвернулась въ противоположную сторону, точно за мигъ передъ этимъ и не думала сосредоточивать на мнѣ свое странное вниманіе. Кровь ударила мнѣ въ голову, и я быстро рѣшилъ обратиться за разрѣшеніемъ всѣхъ этихъ непостижимыхъ вещей къ красной фуражкѣ.

— Скажите, пожалуйста, вы—начальникъ станціи? снимая свою широкополую панаму, спросилъ я.

— Я-съ. А что вамъ угодно? вызывающе и злобно процѣдила съѣхавшая на бекрень фуражка, не кивнувъ мнѣ даже головой и заложивъ обѣ руки въ карманы своего длиннаго пальто...

— Нельзя-ли узнать, почему меня не пропускаютъ въ вокзалъ?

— Да вы-же вѣдь и теперь въ *вокзалъ*, ухмыльнулась фуражка, какъ-же вы говорите, что васъ не *пропускаютъ*?...

Жандармъ громко фыркнулъ. Я покраснѣлъ.

— Не пропускаютъ въ залъ 2-го кл., поправился я.

— Аа! протянула снисходительно фуражка и затѣмъ насмѣшливо добавила: ну, такъ вы идите въ третій, вѣдь все равно—билета 2-го кл. у васъ нѣтъ, такъ что-же вамъ и лѣзть-то *не въ свои сани*?..

Я вспыхнулъ. Такое беззастѣнчивое обращеніе меня взорвало, тѣмъ болѣе, что фуражка все еще продолжала глупо ухмыляться, а „охранитель“, видимо желая подслу-

жаться „начальству“, фыркалъ, собирая во кругъ насъ толпу любопытныхъ... Все это, вмѣстѣ взятое, могло взбѣсить хоть кого...

— Какъ вы смѣете? вскричалъ я и сдѣлалъ шагъ по направленію къ фуражкѣ...

Но двѣ дюжихъ мускулистыхъ руки схватили меня сзади и въ то-же время кто-то угодилъ мнѣ кулакомъ прямо въ глазъ, такъ что тысячи огней у меня въ глазахъ замелькали, и я безъ чувствъ упалъ на землю... Очнувшись, я увидѣлъ, что лежу не на кровати, а на полу возлѣ нея, а ощущавъ сильно болѣвшій лобъ, я открылъ на немъ преогромную шишку...

Ну, скажите, возможно-ли представить себѣ хоть что-нибудь подобное въ дѣйствительности? Не возможно,—не правда-ли? А между тѣмъ не далѣе какъ на-дняхъ я все это видѣлъ во снѣ... Вотъ и вѣрите снамъ послѣ этого!..

Да, престранныя вещи порою намъ снятся, и хорошо еще, если, просыпаясь, мы находимъ у себя одну только шишку...

А. Днѣпровскій.

## ВОЛЬТЕРЪ ВЪ БАСТИЛИ

(изъ ТАРДЪЕ)

Высоко окно темницы.

Блѣдный узникъ у окна.

Ядовитая улыбка

На устахъ его видна.

За желѣзною рѣшеткой,

Надъ зубчатою стѣной,

Таютъ утреннія тучки

Въ выси неба голубой.

На вершинѣ сѣрой башни

Силуэты сторожей,

И у самаго окошка

Стаи бѣлыхъ голубей.

Но доносить издалека

Вѣтеръ къ узнику порой

Гулкій шумъ толпы народной

За зубчатою стѣной...

Узникъ слушаетъ съ улыбкой...

—Эти люди площадей

Между нами стануть скоро

Находить своихъ вождей;

Имъ, во тѣмъ ночной бродящимъ,

Наше слово—яркій свѣтъ.

Царь грядущаго—философъ,

И герольдъ его—поэтъ!

В. Немировичъ-Данченко.

## АФОРИЗМЫ И ЗАМѢТКИ

Постоянная умѣренность въ похвалахъ есть признакъ посредственности.

\* \*

Никто не дѣлаетъ столько ошибокъ, какъ тотъ, кто всегда поступаетъ только по зрѣломъ размышленіи.

Изанъ—да—Марья.

## ГАСТИНГСКОЕ ПОЛЕ БИТВЫ

(изъ гейне)

(Посвящается Ольгѣ Елифановнѣ Иващенко)

Вальтамскій аббатъ опечаленъ. Услышалъ  
Тяжелую вѣсточку онъ,  
Что въ Гастингской битвѣ Гарольдъ зна-  
менитый  
Рукою врага пораженъ.

Послушниковъ двухъ онъ туда посылаетъ,  
Гдѣ бой безпощадный кипѣлъ,  
Съ приказомъ сыскать ему трупъ королевскій  
Въ числѣ окровавленныхъ тѣлъ.

Съ печалью послушники вышли въ дорогу,  
Съ печалью въ обитель пришли:  
„Разсказывать тяжело! Пора испытанья  
Настала для нашей земли.

Въ бою побѣдилъ насъ дрянной проходимецъ,  
Убить благородный герой;  
Грабители вольныхъ въ рабовъ превращаютъ  
И дѣлятъ страну межъ собой.

Нормандскій оборвышъ становится лордомъ...  
Забралъ себѣ почести врагъ:  
Я видѣлъ, какъ шпоры одѣлъ золотыя  
Одинъ изъ паршивыхъ портнягъ...

Позоръ и несчастье вѣмъ, кто родился  
Въ Саксоніи милой—увъ!  
Святни отчизны, страшитесь: врагами  
Поруганы будете вы!

Узнали мы, чтд огневая комета  
Сулила родимой землѣ,  
Когда въ небесахъ, средь полночнаго мрака,  
Прошла на горящей метлѣ,

Сбылося несчастье, что злая комета  
Тогда еще намъ предрекла.  
Мы въ Гастингсѣ были. На нивѣ кровавой  
Валяются кучей тѣла.

Искали мы долго, покуда надежда  
Покинула насъ наконецъ.  
Въ числѣ мертвецовъ не могли мы Гарольда  
Найти, преподобный отецъ!“

Такъ молвили Асгодъ и Эльрикъ. Въ раз-  
думьѣ

Аббатъ головою поникъ,  
И, тяжело вздохнувши, сказалъ, потрясенный  
Печальною вѣстью старикъ:

„Отправьтесь вы въ лѣсъ Грондельфильдскій  
дремучій:

Въ убогой избушкѣ своей  
Живетъ тамъ Эдифъ-Лебединая шея,  
Одна, далеко отъ людей.

Была у нея, какъ у лебедя, шея  
Стройна, благородна, бѣла;  
Тогда короля молодого, Гарольда,  
Эдифъ красотой привлекла.

Ее цѣловалъ онъ, въ любви объяснялся,  
Но послѣ, нарушивъ обѣтъ,  
Навѣки уѣхалъ... А время летѣло...  
Шестнадцать промчалось лѣтъ...

Отправьтесь вы къ ней и тотчасъ-же на  
Гастингсѣ

Ее поведите съ собой:  
Ей женское сердце, быть можетъ, укажетъ  
Межъ мертвыми трупъ дорогой.

Тогда благородное тѣло героя  
Несите сюда, и надъ нимъ  
По чину, воздавъ ему должную почесть,  
Обрядъ погребенья свершимъ.

Монахи пошли, и къ убогой избушкѣ  
Въ полночный приблизились часъ.  
„Проснись ты, Эдифъ-Лебединая шея,  
Открой свои двери для насъ!

Сразили враги насъ! На Гастингсѣ пали  
Могучіе наши полки.  
Въ той битвѣ Гарольдъ-побѣдитель нашъ  
мудрый  
Погибъ отъ враждебной руки.

Послѣдуй за нами! Съискавъ его тѣло,  
Мы двинемся снова въ Вальтамъ:  
Должны мы останки святыя героя  
Предать погребенію тамъ“.

Ни слова не молвя, Эдифъ побѣжала  
Босая на ихъ голоса;  
Ей вѣтеръ порывистый, бѣшено воя,  
Сѣдые вздымалъ волоса.

По пнямъ и болотамъ лѣсная жилица  
Монаховъ впередъ повела.  
И вмѣстѣ съ зарею предъ ними открылась  
Вдали мѣловая скала.

Туманъ, словно саванъ, бѣлѣвшій повсюду,  
Исчезъ на разсвѣтѣ, какъ дымъ,  
И стаи воронъ съ омерзительнымъ крикомъ  
Взвились надъ полемъ нѣмымъ.

Черны, обезглавлены, голы валялись  
Въ долину печали тѣла.  
Здѣсь руки торчали, тамъ ноги, а дальше  
Убитая лошадь гнила.

Эдифъ-Лебединая шея бродила  
Межъ тѣлъ по колѣна въ крови,  
Ища между павшими взоромъ пытливымъ  
Предметъ своей юной любви.

Искала усердно, искала повсюду,  
Порой съ почернѣвшей груди  
Сгоняя воронъ кровожадныя стаи...  
Монахи плелись назадъ.

Ужъ близился сумракъ полночный. Напрасно  
Былъ въ поискахъ день проведенъ,  
Какъ вдругъ изъ груди ея вырвался страшный,  
Хватающій за душу стонъ.

Съискала Эдифъ-Лебединая шея  
Гарольда въ ряду мертвецовъ!  
И къ блѣдному лику недвижно припала  
Безъ стона, безъ плача, безъ словъ.

Въ чело и уста его страстно лобзала,  
Рукой охвативъ его станъ,  
И кровь выпивала изъ двухъ почернѣвшихъ,  
На сердцѣ зияющихъ ранъ,

И жадно лобзала три маленькія ранки  
Сама средь ночной тишины  
Она нанесла ихъ когда-то зубами,  
При трепетномъ свѣтѣ луны.

Въ то время монахи сплести изъ деревьевъ  
Успѣли носилки себѣ.  
На нихъ уложили останки героя,  
Погибшаго славно въ борьбѣ,

И съ теплой молитвой по бранному полю  
Направились тихо въ Вальтамъ.  
Эдифъ, словно призракъ печальный могилы,  
По ихъ подвигалась слѣдамъ.

И пѣла надъ милымъ надгробную пѣсню  
Она съ безысходной тоской.  
Унылый напѣвъ ея жалобно-дѣтски  
Въ тиши раздавался ночной.

Александръ Немеровскій.

## ПО ПОВОДУ 18-ГО НОЯБРЯ

(Подслушанные разговоры)

Извозчикъ.—Пожалуйте, баринъ, за пол-  
тинничекъ!..

— Что ты, любезный!—по таксѣ двугри-  
венный!..

Изв.—Эхъ, баринъ хорошій!.. вѣдь только  
и взять-то теперь, а вотъ послѣ 18 ноября  
и возить будетъ не кого!..

\*\*

Газетный репортеръ встрѣчается съ прия-  
телемъ.

— Что, братъ,—трусись?.. спрашиваетъ  
его этотъ послѣдній.

— Чего?

— Да свѣтопреставленія-то...

— Ну, любезный, нашему брату трусить  
некогда! Это ужъ вы трусите ..

— Какъ это—некогда?

— Да какъ-же!.. Самая, братецъ ты мой,  
работа будетъ; все нужно описать: что и  
какъ... чтобы послѣ подписчики не жалова-  
лись!..

\*\*

— Что, отдалъ тебѣ Ивановъ долгъ?

— Нѣтъ еще. Завтраками, каналья, кор-  
мить. Сегодня да завтра, погоди да подожди... Такъ, подлець, до 18 ноября и дотя-  
нетъ!..

\*\*

Неоспоримая логика.

— Дядя Трохвимъ! восемнадцатаго нояб-  
ря, бають, комета поидеть!..

— А мнѣ начхать!.. пушай яе!..

— Бають, землю хвостомъ заденеть!..

— А мнѣ што-жь?..

— Земля, слышь, горѣтъ будетъ!..

— Пушай яе горить. Я зайду по поясъ  
въ ряку да и буду тамъ стоять, пакелева  
все не кончится!..

\*\*

— Ахъ, Надя, какъ не хочется умирать!

— Что-же дѣлать, мой другъ? Вѣдь не  
однѣ мы будемъ умирать! всѣ помремъ!..

— Да ты пойми: Петръ Иванычъ только что сдѣлалъ мнѣ предложеніе!..

\* \* \*

— А скверно вѣдь, если это правда?

— Нѣтъ худа безъ добра, пріятель: по крайней мѣрѣ каждый супругъ избавится отъ своей тещи.

Подслушалъ Атомъ.

ЖАРА ПОДШУТИЛА

(сценки)

Персонажи:

Вадимъ, сынъ Марса.

Мэри, мужняя жена.

Александръ, мужъ Мэри.

Даша, горничная.

Дѣйствіе въ Тифлисі, въ началѣ августа.

I

Вадимъ (одино). Тридцать пять градусовъ въ тѣни! Не воздухомъ, чортъ возьми, а огнемъ какимъ-то дышешь! А между тѣмъ всѣ ставни закрыты! (Выпиваетъ стаканъ воды). Пф! просто кипятокъ! Чѣмъ-бы освѣжиться?! (Съ грустью смотритъ на туалетныя принадлежности, разбросанныя по стульямъ). Кажется, и снятъ-то ужъ больше нечего! А Мэри будетъ ждать меня завтра!... Завтра! О, это свиданье! (Вытираетъ лицо и шею мокрой губкой). Ничто, ничто, рѣшительно не помогаетъ! Я однакоже, давно ожидаю этого свиданья!.. И когда подумаю, что какихъ-нибудь недѣльки двѣ тому назадъ шли эти чудные освѣжительные дожди... Если-бы тогда!.. Я былъ бы счастливъ! И надо-же, право, чтобы у Мэри выбрался часокъ свободы въ то время, когда въ тѣни тридцать пять градусовъ! Тридцать пять градусовъ тепла!.. (Выплескиваетъ стаканъ воды на плечи). Противная вода, не мочить даже!.. Впрочемъ я самъ виноватъ! Самъ тысячу разъ повторялъ Мэри: „О, одинъ мигъ, одно мгновенье съ вами наединѣ, вдали отъ нескромныхъ, слѣдующихъ ревниво за вами глазъ, забывъ весь міръ, и... Правда, тогда было прохладно. (Выливаетъ стаканъ воды на голову). Наконецъ, вчера получаю записочку, писанную ея милой ручкой, первую со времени нашего знакомства:

„Мужъ уѣзжаетъ послѣ завтра съ утра въ Коджоры, на три дня. Въ часъ ждите меня возлѣ первой скамейки слѣва отъ входа въ Александровскій садъ. Приду“.

И вотъ то счастье, о которомъ я такъ давно мечталъ. Вотъ оно „такъ близко и такъ возмож-

но“..! (Беретъ рукомыльникъ и собирается вылить содержимое себѣ на спину). Нѣтъ, къ чорту! не стойте: еще жарче становится! (Въ изнеможениі растягивается на тахтъ). Да, счастье, вотъ оно! А я не подумалъ о тридцати-пяти градусахъ! Если физическая возможность выдержать свиданье при такой температурѣ?! У меня едва хватаетъ силы вытереть себѣ лобъ, а придется доказывать ей свою любовь, да еще съ жаромъ! Вотъ положеніе! И фантазія тоже—назначить свиданье въ „Александринкѣ“, въ часъ дня, когда солнце печетъ всего пуще, когда нѣтъ и четверти аршина тѣни подъ деревьями! Это ужасно! Нѣтъ, лучше отказаться. Тѣмъ болѣе, что это глупое приличіе заставляетъ ходить одѣтымъ. Мэри выйдетъ изъ себя, если я не прийду... Она потеряна для меня навсегда... но..! Если-бы можно было хоть предупредить ее какъ нибудь запиской!.. Но какой предлогъ придумать?.. Какъ нарочно, ничто порядочное не идетъ въ голову... (Ударяя себя въ лобъ) Аа! Эврика! Да, это спасеніе (пишетъ и звонитъ). Степанъ, отправляйся на телеграфную станцію и отправь эту денешу.

II

Мэри (горничной). Даша! Ты, вѣрно, опять закрыла окна?

Даша. Нѣтъ-съ, барыня, всѣ пять открыты-съ.

Мэри. А двери?

Даша. Всѣ до одной. Сквозникъ порядочный.

Мэри. Я не чувствую ни малѣйшаго дуновенія! Хоть ложись и умирай! (обмахивается вееромъ). А я еще назначила свиданье Вадиму. Если завтра будетъ такая-же жара, я умру прежде, чѣмъ доберусь до Александровскаго сада... а когда доберусь, буду дурна до отвращенія. (Дашѣ) Дай зеркало! Я уже теперь, въ комнатѣ, и то ужасна. Мокра, какъ утонувшая мышь. (Обтирается). Подай другой платокъ, этотъ совсѣмъ мокрый.

Даша. Извольте, барыня.

Мэри. Уфъ! Нѣтъ возможности выдержать! Даша, дай воды. (Пьетъ). Совсѣмъ теплая. Возьми прочь! Дай мнѣ пудру. (Осматриваетъ пудрой). Ахъ, если-бы я могла предвидѣть такую жару! Но, бѣдный Вадимъ, онъ такъ давно ждалъ отъ меня доказательствъ моей любви. Было почти прохладно вчера, когда я писала ему. И такой чудный случай! Мужъ на три дня уѣзжаетъ въ Коджоры. Ужасно подумать, отъ чего порой зависить судьба женщины. Подымись термометръ вчера до сегодняшней температуры, и я... я осталась-бы вѣрна Александру...

(Смотритъ въ зеркало). Боже мой! Даша, что у меня на лицѣ?!..

Даша. Ахъ, барыня, вы вся полосата! Мэри Да, да, правда, полосата! Я знаю! Я похожа на зебру! Даша, мокрое полотенце скорѣе! Напрасно я напудрилась (вытирается)—ничуть не помогаетъ! Что, сходить? Точно клейстеромъ какимъ-то вымазано лицо! (Смотритъ въ зеркало). Нѣтъ, невозможно! Рѣшительно нельзя ѣхать на это свиданье!.. Какая я несчастная, право! Напишу Вадиму, что не могу... неожиданное препятствіе... Какое-бы выдумать препятствіе? Вотъ задача! Что онъ подумаетъ! Но что-же мнѣ дѣлать, Боже мой!.. А!! Даша! Чернилъ и бумаги скорѣе! (Торопливо пишетъ нѣсколько строкъ, на двухъ клочкахъ). Разъ, два, три, четыре, пять.. Прекрасно! Даша, на телеграфную станцію, и живѣ!.. А вотъ это—на городскую почту.

Интермеццо.

Ночь; проливной дождь съ грозой, громомъ и молніею. Сѣверный вѣтеръ. Утро; небо заволочло тучами, солнце не показывается ни на минуту. Краплетъ дождь.

III

У мэри.

Вадимъ въ полъ-голоса. Мэри, дорогая! письмо ваше повергло меня въ отчаяніе.

Мэри. Повѣрьте мнѣ, что эта неожиданность поразила и меня не меньше вашего. Что-же дѣлать? Александръ увѣдомилъ меня о своемъ возвращеніи совершенно неожиданно.

Alexandre, входя. Уфъ, пріятно переодѣться. Я буквально промокъ до костей. Впрочемъ, это все-таки лучше, чѣмъ вчерашняя жара.

Вадимъ (съ участіемъ). Любезный другъ...

Alexandre. Представьте себѣ... Однако, не пора-ли къ столу. (Садятся). Представьте себѣ, я избѣдилъ и избѣгалъ буквально весь Тифлисі.

Вадимъ. Зачѣмъ?..

Alexandre. Попусту! Я сдѣлался жертвой какого-то плоскаго шутника, вздумавшаго позабыться на мой счетъ, какъ перваго апрѣля...

Вадимъ и Мэри (нѣсколько смущенно)... Шутника?.. Въ чемъ-же дѣло?

Alexandre. Да я не сержусь, потомучто это дало мнѣ возможность скорѣе увидеть васъ, друзья мои, и убѣдиться, что я былъ жертвой шутки, по двѣ анонимныя денешни, полученные мною...

Вадимъ и Мэри (весьма удивленно). Двѣ денешни???

Alexandre, продолжая. Оказались сущимъ вздоромъ!..

Ес—овъ.

Редакторъ-издатель ИВ. ПИТОВЕВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

въ харьковѣ, съ октября 1881 года будетъ выходить

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„М И РЪ“

По слѣдующей программѣ: 1) статьи по различнымъ отраслямъ знанія, имѣющія своей задачей, въ доступной формѣ, знакомить читателей съ текущими вопросами и пріобрѣтеніями въ области наукъ. 2) Внутреннее и иностранное обозрѣніе главнѣйшихъ явленій политической и общественной жизни. 3) Экономическая, земская и промышленная хроника, преимущественно по отношенію къ югу Россіи. 4) Словесность: романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія и другія произведенія литературы русской и въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ. 5) Обозрѣніе текущей литературы русской и иностранной (критика и библиографія). 6) Смѣсь: корреспонденціи и другія сообщения касательно текущей жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. 7) Справочный отдѣлъ и объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

		Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ пересылкою.
На Годъ . . . . .	10 р. — к.	11 р. 50 к.	12 р. — к.	
„ 6 мѣсяцевъ . . . . .	6 „ — „	7 „ — „	7 „ 50 „	
„ 3 мѣсяца . . . . .	3 „ — „	3 „ 50 „	4 „ — „	
„ 1 мѣсяць . . . . .	1 „ 25 „	— „ — „	1 „ 50 „	

Журналъ „Миръ“ будетъ выходить ежемѣсячно въ первыхъ числахъ, въ размѣрѣ 15 и болѣе печатныхъ листовъ большаго формата. Подписка принимается въ конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ В. А. Сыхра, по Екатеринославской улицѣ, № 1-й, въ Харьковѣ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Письма и посылки адресуются на имя издателя, В. А. Сыхра, въ Харьковѣ, по Екатеринославской улицѣ, № 1-й. Издатель В. А. Сыхра. Редакторъ А. П. Шимковъ.

ГАЗЕТНОЕ АГЕНТСТВО

В. ШАВЕРДОВА

(Тифлисі, Головинскій проспектъ, на углу Александровскаго сада въ собственномъ павильонѣ).

Принимаетъ подписку на всѣ періодическія издаванія: мѣстныя, столичныя и иностранныя. Печатаеть объявленія частныхъ лицъ и учреждений во всѣхъ этихъ изданіяхъ. Производитъ розничную продажу газетъ и журналовъ—мѣстныхъ, столичныхъ и иностранныхъ: а) въ Тифлисі, въ своемъ собственномъ помѣщеніи и б) по линіи Поти-Тифлисскаго желѣзнодорожнаго, на станціяхъ: Тифлисі, Михайлово, равно во всѣхъ пассажирскихъ поѣздахъ. (Ш)

Дезинфекціонныя средства.

Желѣзный купоросъ, хлористая известь 100% содержания хлора, перекись марганца и карболовая кислота 40% получены въ большомъ количествѣ и превосходнаго качества въ аптекарскомъ складѣ В. И. Гривнака, подъ гост. Лондонъ

(3) 30—27.